

УДК 902/904+902.01+902.26

<https://doi.org/10.24852/2587-6112.2025.3.239.257>

ДИНАМИКА ОСВОЕНИЯ ГОРНО-ЛЕСНОЙ ЗОНЫ ЮЖНОГО УРАЛА В ЭПОХУ БРОНЗЫ – НОВОГО ВРЕМЕНИ ПО ДАННЫМ МЕЖДИСЦИПЛИНАРНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ В ПРИУСТЬЕВОЙ ЧАСТИ Р. КАНА¹

© 2025 г. Е.В. Русланов, Н.С. Савельев, Р.Г. Курманов

Приводятся данные по всем известным к настоящему времени поселенческим памятникам эпохи бронзы – Нового времени, расположенным в приустьевой части р. Кана (горно-лесная зона южной части Уральской горной страны, крупный правый приток р. Белая), частично изученным в 2018 г. Южно-Уральской комплексной археологической экспедицией ИИЯЛ УФИЦ РАН. Судя по полученным археологическим и палеоэкологическим данным установлено, что долина р. Белая, фактически пересекающая по диагонали горы Южного Урала, не являлась «трансуральской магистралью», как это умозрительно представлялось ранее. Динамика освоения горной долины р. Белая подчинялась общим принципам, прослеженным как минимум с энеолита до этнографического времени, которые оставались неизменными – тип ее освоения может быть назван ресурсным. Археологически одновременно фиксируется продвижение в долину реки разнородного населения с трех основных направлений – из зауральских лесостепных предгорий (вниз по течению, вероятно, из района г. Белорецк), с границы степи и южной лесостепи Приуралья, через вход в горный каньон (вверх по течению) и из степей Зауралья (напрямую с востока, по правым малым притокам Белой).

Ключевые слова: археология, Южный Урал, горно-лесная зона, динамика освоения, эпоха бронзы, эпоха раннего железа, средневековье, Новое время, палеоэкология.

DEVELOPING DYNAMICS IN THE MOUNTAIN-FOREST ZONE OF THE SOUTHERN URALS FROM THE BRONZE AGE TO THE EARLY MODERN TIME, BASED ON INTERDISCIPLINARY RESEARCH AT THE MOUTH OF THE KAN RIVER²

E.V. Ruslanov, N.S. Savelev, R.G. Kurmanov

Data is presented on all currently known settlement sites from the Bronze Age to the Modern Period, located in the mouth area of the Kana River (a mountain-forest zone in the southern part of the Ural Mountains, a major right tributary of the Belya River). These sites were partially studied in 2018 by the South Ural Complex Archaeological Expedition of IYAL UFIC RAN. Based on the obtained archaeological and paleoecological data, it has been established that the Belaya River valley, which essentially diagonally traverses the Southern Urals Mountains, did not function as a "Trans-Ural highway," as had been previously speculated. The dynamics of the development of the mountain valley of the Belaya River adhered the general principles traced at least from the Eneolithic to the Ethnographic time, which remained unchanged – the type of its development can be described as resource-based. Archaeologically, at the same time, the movement of a diverse population into the river valley is recorded from three main directions – from the Trans-Ural forest-steppe foothills (downstream, probably from the Beloretsk area), from the border of the steppe and the southern forest-steppe of the Urals, through the entrance to the mountain canyon (upstream) and from the steppes of the Trans-Urals (directly from the east, on the right small tributaries of the Belaya River).

Keywords: archaeology, Southern Urals, mountain forest zone, developing dynamics, Bronze Age, Early Iron Age, Middle Ages, Modern time, paleoecology.

¹ Исследование выполнено при поддержке Российского научного фонда в рамках проекта № 23-78-10057 «Динамика культурного развития и освоения Южного Урала с древности и до вхождения в состав России (IV в. до н.э. – XVI в.): междисциплинарное археологическое исследование».

² The research was supported by the Russian Science Foundation as a part of the project № 23-78-10057 "The dynamics of cultural development and developing the Southern Urals from antiquity to its incorporation into Russia (IV century BC – XVI century): interdisciplinary archaeological research

Введение

Археологические данные по заселению и освоению южной части горно-лесной зоны Южного Урала (под которой понимается та часть горной области, которая лежит южнее полосы высокогорий и дренирована в основном р. Белой) в древности и Средневековье до сих пор являются крайне отрывочными. Несмотря на ряд разведочных обследований, в настоящее время можно говорить о понимании только лишь отдельных и наиболее общих или ярких моментов истории этой до сих пор труднодоступной территории (Древности..., 2018).

Ареал известных памятников горно-лесной зоны Южного Урала расположен на стыке трех подпровинций – низкогорной широколиственной Инзерско-Бельской, вытянувшейся узкой полосой по западному краю гор, и низко- и среднегорных со светлохвойной тайгой Уфимско-Бельской и Прибельско-Уралтауской, находящихся восточнее. С юга к ним примыкает горно-лесостепная подпровинция Южно-Уральского пенеплена (Зилаирского плато) (ФГРБ, 1964). Физико-географическая сложность данной территории, относительно небольшая ширина самой горной страны (порядка 140 км в средней части и не более 70 км на южной оконечности), примыкание с запада к южной лесостепи, а с востока – к степи вплоть до настоящего времени являются причинами крайней ландшафтной мозаичности южной части горно-лесной зоны Южного Урала, где чересполосно расположены участки светлохвойной тайги, широколиственных лесов, сочетающиеся с различными по размеру остепненными и луговыми участками (Савельев, 2017). Привлечение палеоэкологических данных показывает, что ранее природная мозаичность была выражена значительно сильнее и современная горно-лесная зона (во всяком случае – ее южная часть) еще в I тыс. до н. э. фактически являлась горной лесостепью с большими открытыми пространствами (Савельев, 2004; 2015).

В последние 10–20 лет в ряде работ, в том числе и авторов, было наглядно показано, что Южный Урал как регион имеет значительные отличия от окружающих территорий. Именно осевое для региона положение горной зоны и ее относительно небольшая ширина привели к сильной трансформации ландшафтных зон на прилегающих к горам территориях.

Меридиональное положение ландшафтных зон – степи, южной и северной лесостепи, вытянутых узкой полосой вдоль края гор, на протяжении последних тысячелетий постоянно приводило к смешению – порой и парадоксальному – самых разнородных северных и южных компонентов в Южно-Уральском регионе. Важно, что эти факты смешения надежно документируются археологическими материалами, и все коллеги, работающие на территории Южного Урала, это хорошо знают и просто не могут не учитывать в любых своих построениях (Савельев, 2011, с. 42–70; 2015, с. 62–84; 2018, с. 24–42).

Сами же горы практически до последнего времени просто исключались из территории распространения тех или иных культур, так как считалось, что кроме единичных находок и небольших памятников в горах больше ничего нет. Такой подход не позволял определить и сами принципы освоения горной зоны Южного Урала. Частично причиной, а частично и следствием этого подхода являлось крайне слабое обследование горной зоны. Без учета удаленных внутригорных районов, 99% которых не обследованы до сих пор, очень показательны данные по разведочному обследованию долин крупных и относительно крупных горных рек. Так, за исключением единичных посещений, никогда не обследовались горные долины рек Сакмары, Касмарки, Крепостной Зилаир, Большой и Малый Сурень, Каны, Зилим, Зиган, Большой и Малый Инзер, Лемезы, Урюк, Урюш. Немногим лучше обследованы долины рек Уфа, Ай и Юрюзань, однако полученные данные настолько разрозненны и отрывочны, что пока можно учитывать только информацию по отдельным исследованным памятникам (Румянцев, Котов, Савельев, 2015, с. 522–524; Русланов и др., 2020, с. 395–398).

Методы

Наиболее исследованными территориями в пределах горно-лесной зоны Южного Урала являются долины рек Белой и Нугуш, и полученные данные уже опубликованы в коллективной монографии 2018 года (Древности..., 2018). Необходимо отметить, что впервые обследование всей горной долины Нугуша (протяженность более 100 км) проведено в 2017 году, а разведки по Белой имеют очень длительную и богатую историю, начало которой относится к 1961 году. Однако

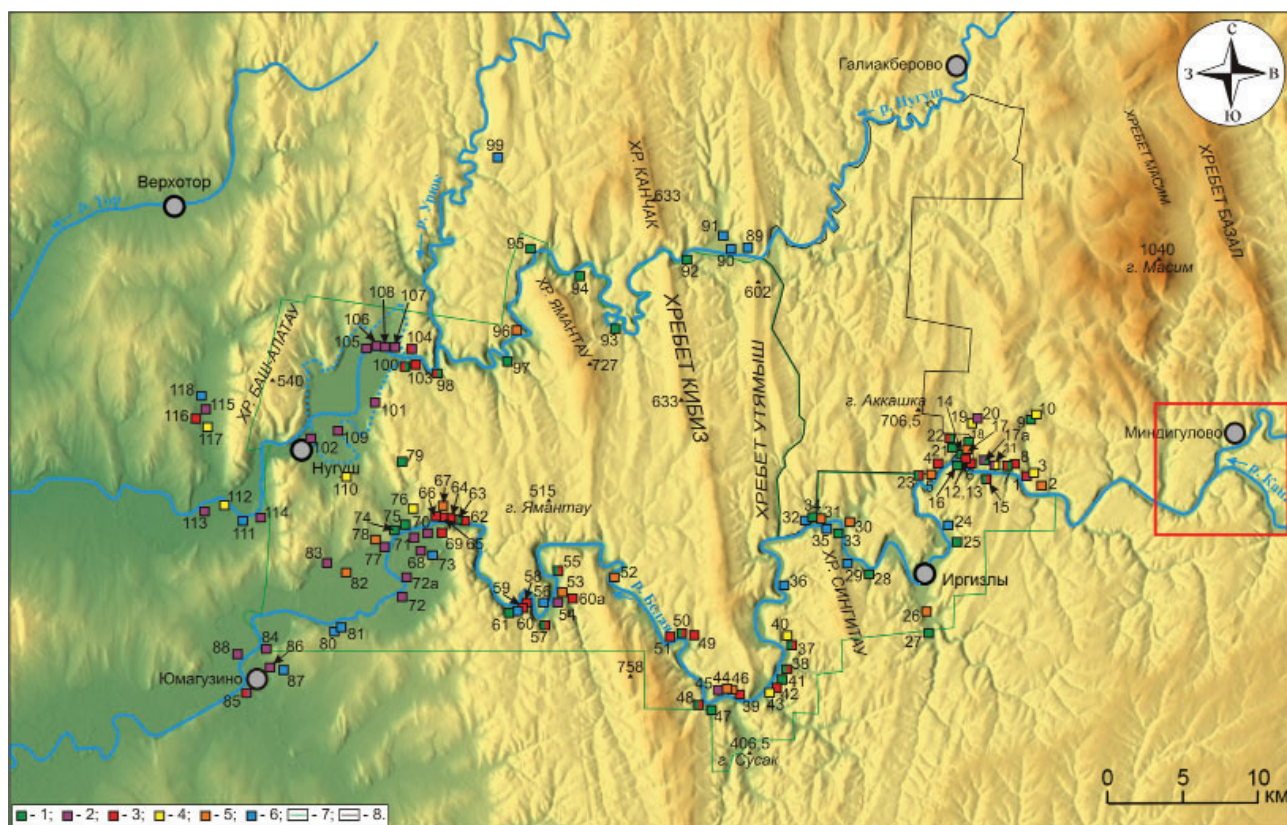

Рис. 1. Карта памятников юго-западного края горно-лесной зоны Южного Урала и расположение приустьевой части р. Каны (красный прямоугольник). По: Древности..., 2018. Рис. в.13

Fig. 1. Map of sites of the southwestern edge of the Southern Ural mountain-forest zone and the location of the mouth area of the Kana River (red rectangle). By: Antiquities..., 2018. Fig. в.13

это в первую очередь относится к нижней части горного течения Белой протяженностью 90 км – от Каповой пещеры до выхода реки из горного каньона. С одной стороны, это было связано с открытием палеолитических рисунков в этой пещере и повышенным вниманием к данной территории, с другой – планами строительства Иштугановского/Юмагузинского водохранилища, что привело к нескольким крупным разведочным обследованиям этой части долины в 1970–1990-е гг., а также и раскопкам ряда самых крупных памятников. Средняя часть горного течения (Белорецк – Капова), протяженностью около 250 км, обследовалась только в 1961–1962 гг. разведочным отрядом А.П. Шокурова, а верхнее течение реки (более 100 км) до сих пор остается неизученным (Савельев, 2011; Древности..., 2018; Русланов, 2023).

Такой новой территорией, благодаря необходимости обследования участка хозяйственного освоения, проведенного ИИЯЛ УФИЦ РАН в 2018 г., стала приустьевая часть р. Каны,

впадающей в Белую в 25 км выше по течению от Каповой пещеры. Протяженность ее 94 км, течет с востока, исток расположен практически на краю низкогорного залесенного Зилаирского плато, в 10 км к западу от долины р. Сакмары, протекающей по краю степной зоны Южного Зауралья. Линейный характер объекта обследования, идущего практически на всем протяжении вдоль края береговых террас, позволил обследовать 2,6 км вдоль р. Белой и 4,5 км – в долине р. Каны. Всего на этом участке было заложено 47 шурфов, что позволило выявить четыре ранее не известных памятника (селища Миндигулово-3, -4 и Атиково-2, -3), а также получить достаточные сведения по особенностям осадконакопления в обследованном участке долин Белой и Каны (Русланов и др., 2020, с. 396–397). Дополнительно к этому из шурфов на селищах Атиково-2 и -3 были получены две колонки, по которым проведены спорово-пыльцевые анализы.

Ранее, в 1961–1962 гг., в долине р. Белой в непосредственной близости от устья р. Каны

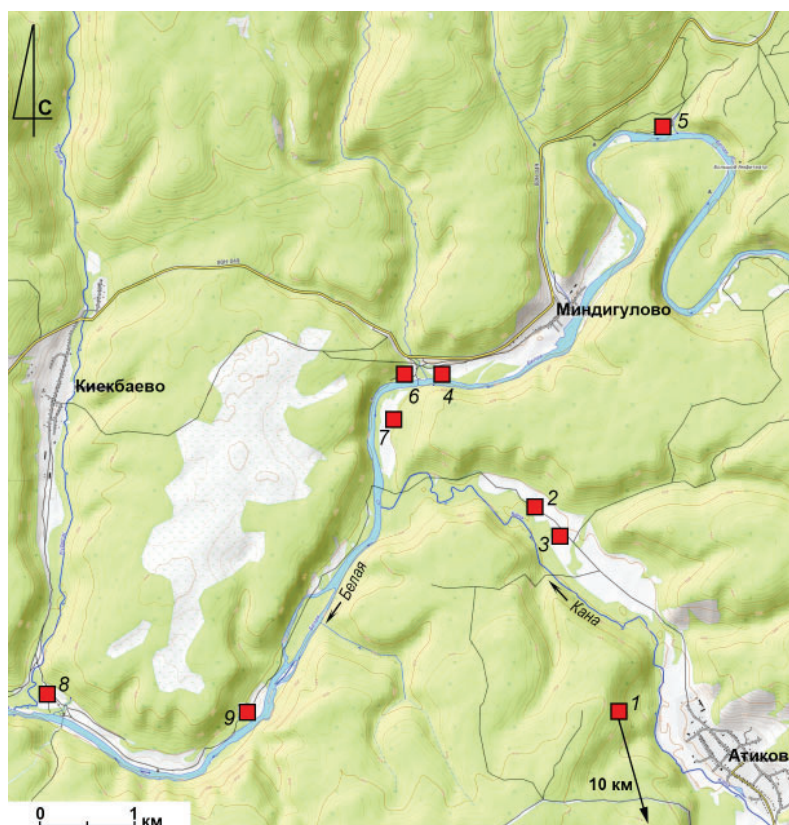

Рис. 2. Горно-лесная зона Южного Урала. Памятники в приустьевой части р. Кана. 1 – Атиково-1; 2 – Атиково-2; 3 – Атиково-3; 4 – Миндигулово-1; 5 – Миндигулово-2; 6 – Миндигулово-3; 7 – Миндигулово-4; 8 – Киекбаево-1; 9 – Ново-Усмановская (1, 5, 8, 9 – стоянки; 2–4, 6, 7 – селища)

Fig. 2. Southern Ural mountain-forest zone. Archaeological sites in the mouth area of the Kan River. 1 – Atikovo-1; 2 – Atikovo-2; 3 – Atikovo-3; 4 – Mindigulovo-1; 5 – Mindigulovo-2; 6 – Mindigulovo-3; 7 – Mindigulovo-4; 8 – Kiyekbaevo-1; 9 – Novo-Usmanovskaya (1, 5, 8, 9 – campsites; 2–4, 6, 7 – settlements)

было выявлено четыре памятника – селище Миндигулово-1, стоянки Миндигулово-2, Киекбаево-1 и Ново-Усмановская (Археологическая..., 1976, с. 172, № 1531–1534; Савельев, 2011, с. 48–50), которые позже никогда не осматривались. В 2012 г. по информации от местных жителей была выявлена и обследована стоянка Атиково-1, расположенная в 10 км к юго-востоку от д. Атиково (Савельев, 2015, с. 63, рис. 1; 2: 18, 19). Таким образом, в приустьевой части р. Каны и примыкающем участке р. Белой (общие размеры территории около 9×13 км) сейчас зафиксировано девять памятников. Так как за исключением участка р. Белой, достаточно плотно обследованного в 2018 г., остальная часть обследовалась только в 1961–1962 гг., а долина Каны выше д. Атиково вообще не обследовалась, предварительно можно говорить о том, что на всей рассматриваемой территории выявлено не более половины археологических памятников. Однако значительная монотонность ландшафта и

устойчивые закономерности в типах и расположении памятников (о чем ниже), а также выполненные ранее авторами палинологические анализы в других частях горной долины р. Белой позволяют сделать ряд важных заключений и обобщений уже на имеющемся уровне источниковой базы.

Результаты

Археологические объекты

Ново-Усмановская стоянка расположена на правом берегу р. Белой, в 5 км к юго-западу от центра д. Миндигулово. Памятник находится у подножья гор, на краю полностью распахивавшейся высокой поймы, имеющей высоту 4–5 м от уреза воды в реке, в устье небольшой балки. По информации А.П. Шокурова, на поверхности и в зачистке обнажения найдены «кремни и обломки глиняных сосудов андроновского типа», а судя по единственному рисунку, приводимому в его отчете, эта керамика относится к межовской культуре (рис. 3: 3). Площадь

памятника не превышает 2400 м² (порядка 80×40 м).

Стоянка Киекбаево-1 находится на небольшом покатом мысу правого берега р. Белой, при впадении небольшого притока – р. Курыгас, в 2,3 км к западу от Ново-Усмановской стоянки и в 3,5 км к югу от центра с. Киекбаево. Максимальные размеры площадки 30×50 м, высота мыса над урезом воды в реке 6 м. В заложенном шурфе найдены «кремни и два обломка глиняных сосудов андроновского типа».

Селище Миндигулово-1 расположено в западной части современной деревни, на невысоком четырехметровом пойменном мысу, образованном правым берегом р. Белой и левым берегом ее небольшого притока – ручья Большие Майгашты. На момент выявления площадка памятника полностью распахивалась, в настоящее время застроена. По данным А.П. Шокурова, «...на поверхности пашни и в шурфе 1×1 м нами найдены дробленные кости домашних животных и обломки глиняных сосудов ананьинского времени. В обломках глиняных сосудов имеется примесь сланца и речных раковин». Судя по конфигурации мыса, размер селища не превышает 40×40 м. Сохранившаяся коллекция (три фрагмента керамики) по примеси раковины и характерной орнаментации относится к курмантауской культуре (рис. 3: 6) (Савельев, 2011, с. 48–49).

Стоянка Миндигулово-2 находится северо-восточнее деревни, примерно в 3 км вверх по течению р. Белой, на десятиметровом мысу правого берега реки при впадении небольшого родника. Размеры мыса около 100×60 м. Находки – пять кремневых изделий и три фрагмента керамики – происходят из шурфа 1×1 м. Вся керамика по примесям органики и раковины, а также характерному ямочно-насечковому орнаменту (Савельев, 2011, с. 49–50) относится к курмантауской культуре эпохи раннего железа (рис. 3: 4, 5).

Селище Миндигулово-3 расположено в 0,2 км западнее площадки селища Миндигулово-1, на мысу противоположного, правого берега ручья Большие Майгашты, высотой 7 м над урезом воды. Размер мыса 110×70 м, по пяти заложенным шурфам размер памятника составляет не более 70×50 м, культурный слой вытянут вдоль берегового обрыва. Находки представлены керамикой (все – неор-

наментированные стенки) курмантауской – с примесью раковины в тесте – и гамаюнской – с примесью в тесте кварцитовой дресвы, дробленого талька и шамота – культур эпохи раннего железа, непосредственно под дерном – колотые кости животных и куски глиняной обмазки, относящиеся к позднему Средневековью или Новому времени.

Селище Миндигулово-4 расположено в 0,6 км к югу от селища Миндигулово-3 и в 2 км к юго-западу от центра деревни. Занимает узкую покатую площадку левого берега реки, окруженную с трех сторон крутыми склонами гор. Максимальные размеры площадки 140×50 м, высота над поймой, имеющей здесь ширину 200 м, составляет 5 м. В четырех заложенных шурфах и на поверхности найдены единичные фрагменты керамики срубной культуры эпохи поздней бронзы (рис. 3: 1) и курмантауской культуры эпохи раннего железа (рис. 3: 7).

Стоянка Атиково-1 находится в 10 км к юго-востоку от д. Атиково, в 13 км по прямой от долины р. Белой, у истока ручья, впадающего в приток р. Каны, на высоте 200 м от уровня последней (около 550 м БС). На краю сенокосной поляны после нахождения керамики в полосе противопожарной опашки пятью шурфами была определена площадь распространения находок – не более 7×3 м. Мощность рыхлых отложений составляет 0,15 м, ниже начинается скальное основание. Всего найдено 20 фрагментов керамики, относящихся к трем сосудам (рис. 3: 8, 9), два из них представлены единичными фрагментами, а третий – графически реконструируемой средней частью шаровидного тулова диаметром 35 см с широким горлом. Орнамент – каннелюры по шейке, косая резная решетка, треугольные фестоны с наколами внутри и многорядные резные треугольники. Примесь к тесту в обоих орнаментированных сосудах – большое количество талька, в тесте третьего сосуда – шамот и дресва из мягкого белого камня. Все эти характеристики позволяют отнести керамику со стоянки Атиково-1 к кочевническому «раннепрохоровскому» тальковому комплексу, примерное время сложения которого – конец V – начало IV в. до н. э. (Савельев, 2015, с. 72, 73).

Селище Атиково-2 расположено в 3,3 км к северо-западу от д. Атиково, на краю мысовидного выступа высокой поймы (высота

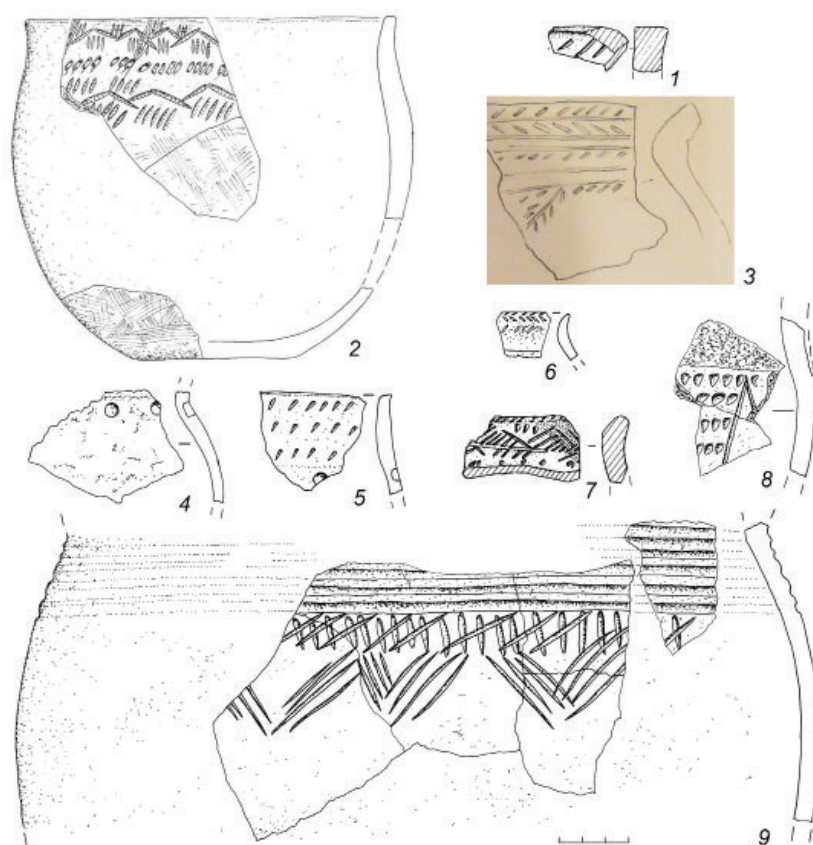

Рис. 3. Горно-лесная зона Южного Урала. Приустьевая часть р. Каны. Материалы эпохи бронзы (1–3) и раннего железа (4–9). 1, 7 – Миндигулово-4; 2 – Атиково-3; 3 – Ново-Усмановская; 4, 5 – Миндигулово-2; 6 – Миндигулово-1; 8, 9 – Атиково-1 (1 – срубная культура; 2, 3 – межовская культура; 4–7 – курмантауская культура; 8, 9 – раннесарматская культура). 3 – без масштаба

Fig. 3. Southern Ural mountain-forest zone. The mouth area of the Kana River. Materials of the Bronze Age (1–3) and Early Iron Age (4–9). 1, 7 – Mindigulovo-4; 2 – Atikovo-3; 3 – Novo-Usmanovskaya; 4, 5 – Mindigulovo-2; 6 – Mindigulovo-1; 8, 9 – Atikovo-1 (1 – Srubnaya culture; 2, 3 – Mezhevskaya culture; 4–7 – Kurmantau culture; 8, 9 – Early Sarmatian culture). 3 – without scale

над влажной поймой 1,5–2 м) правого берега р. Каны, в 1,7 км к востоку от ее впадения в р. Белую. Установленные шурфами (девятью) максимальные размеры памятника составляют 90×60 м (основная концентрация находок – около 45×30 м). Памятник однослойный, находки залегают непосредственно под дерном, представлены колотыми костями животных, кусками глиняной обмазки (10), в т. ч. и с одной выровненной и побеленной стороной, фрагментами двух железных ножей (черешковый с косым обухом и одним спуском на клинке и складной типа бритвы – рис. 4: 20) и чугунных котлов (10), обувной набойкой (рис. 4: 23) и каменным пряслицем (рис. 4: 22). Ниже культурного слоя – слой речных наносов (0,35–0,4 м), которые перекрывают погребенный луговой чернозем мощностью до 0,45 м.

Селище Атиково-3 находится в 0,25 км к юго-востоку от селища Атиково-2, на основании соседнего мыса ровной высокой поймы правого берега р. Каны. Высота мыса от уровня поймы 3–5 м, по его пологому юго-восточному краю протекает небольшой ручей Байгутук. Размеры памятника определены по данным девяти шурфов и составляют 160×50–150 м. Детальный сбор подъемного материала (ранее площадка распаивалась) показал, что размеры пятна максимальной концентрации находок – не более 35×20 м. Стратиграфические данные аналогичны селищу Атиково-2, только в ряде шурфов, расположенных ближе к склону, слой аллювия значительно более мощный (шурф № 76 – 1,1 м). Основной культурный слой (всего 87 ед.) также залегает в верхних 20–25 см. Помимо находок, встречающихся на соседнем селище, здесь также

найжены (рис. 4: 1–19, 21, 24, 25) медные монеты 1798 и 1801 гг., каменные бусы (5), кольцевидная и прямоугольная железные пряжки, железные ножи (5), железный наконечник стрелы ромбической формы, шарообразные свинцовые пули (2), 14 фрагментов чугунных котлов, клинья для топоров (5), в т. ч. и из фрагментов полотна кос-литовок (2), фрагмент топора, квадратное в сечении долото, фрагмент косы-литовки, куски глиняной обмазки (34), в т. ч. с одной выровненной и побеленной поверхностью (4), фрагментами толстостенных четырехугольных штофов из темно-зеленого стекла (3) и т. д. Учитывая нахождение крупного фрагмента котла (рис. 4: 25) – т. н. «азиатской чаши» (диаметр по венчику 50 см, глубина 19 см; венчик коленчато отогнут и немного расширен, на 1 мм ниже среза венчика сохранилась крупная горизонтальная ручка сегментовидной формы) производства южноуральских чугунолитейных заводов (Куса, Златоуст, Касли и др.), наиболее ранней подтвержденной датой данного комплекса материальной культуры может быть середина XVIII в. (Савельев и др., 2023, с. 309, 314–315). В целом по имеющимся данным, в т. ч. и по незначительной мощности верхнего культурного слоя, селище Атиково-3, как и селище Атиково-2, могут быть датированы XVIII – началом XIX в. Близость обоих памятников определяется практически единым комплексом материальной культуры, а также едиными типами найденных предметов. Так, все шесть черешковых ножей имеют одинаковые признаки – длинный сужающийся черешок, уступы с двух сторон в месте перехода к клинку, одна плоская сторона (на всю длину ножа), односторонний спуск на лезвие, начинающийся прямо от обуха, толстый наклонный обух, относительно узкий клинок (рис. 4: 6–10). Различия касаются только размеров ножей. Это свидетельствует о том, что найденные ножи относятся к одному устойчивому типу и являются местным ремесленным производством.

В шурфе № 75, расположенном в самой высокой точке мыса и уже за пределами пятна максимальной концентрации на поверхности находок Нового времени, под слоем намывного аллювия (0,4 м), на контакте погребенного чернозема (0,25 м) и нижележащего темно-коричневого тяжелого суглинка найден неполный развал лепного сосуда эпохи финальной

бронзы (рис. 3: 2). Глубина его залегания от современной поверхности 0,92–0,95 м. Высота сосуда 14,8 см, диаметр горла 16 см, максимальный диаметр по тулову 17,5 см, диаметр уплощенного дна 6,5 см. Толщина стенок в нижней части сосуда 0,5 см, на плечиках – 1,0 см. Цвет поверхностей черный с серыми пятнами, в тесте примесь талька и кварцитового песка. Орнамент нанесен на верхнюю треть сосуда, представлен двумя горизонтальными штампованными зигзагами с группами вертикальных или слабо наклонных вдавлений сверху и снизу от зигзага. Верхний и нижний зигзаги отделены друг от друга горизонтальным пояском неглубоких вдавлений овальной формы. Верхняя часть шейки на ширину 1–1,5 см и все пространство ниже орнаментированной части покрыты расчесами.

Пространственные и топографические особенности

Наиболее характерное местоположение поселенческих памятников в горно-лесной зоне Южного Урала – это мысы надпойменных террас и высоких пойм в месте впадения небольших притоков (от небольших рек до малых ручьев), как правило закрытые с одной или двух тыльных сторон склонами гор. К этому типу относятся селища Миндигулово-1, -3, стоянки Миндигулово-2 и Киекбаево-1, т. е. практически все памятники, расположенные в долине Белой. Селища Миндигулово-1 и -3 расположены друг напротив друга, на мысах разных берегов ручья Большие Майгашты, впадающего здесь в Белую.

В отличие от Миндигулово-3, расположенного на мысу надпойменной террасы, селище Миндигулово-1 находится на невысоком (не более 4 м) пойменном мысу – и оно не прикрыто горами, т. к. ширина поймы здесь составляет около 200 м. Такое же положение занимает и Ново-Усмановская стоянка. Этим они близки другому, значительно более редкому типу поселенческих памятников горно-лесной зоны, где принципиально важной была приуроченность к широкой ровной площадке, как правило – пойменной (стоянки Акбута-2, Акбулатово-2 и Ново-Акбулатово-1) (Древности..., 2018, с. 80, 89, 123–124).

Расположение селища Миндигулово-4 – на узкой пологой площадке, окруженной с трех сторон крутыми склонами гор, над широкой поймой и без наличия бокового притока – совершенно не характерно для горно-лесной

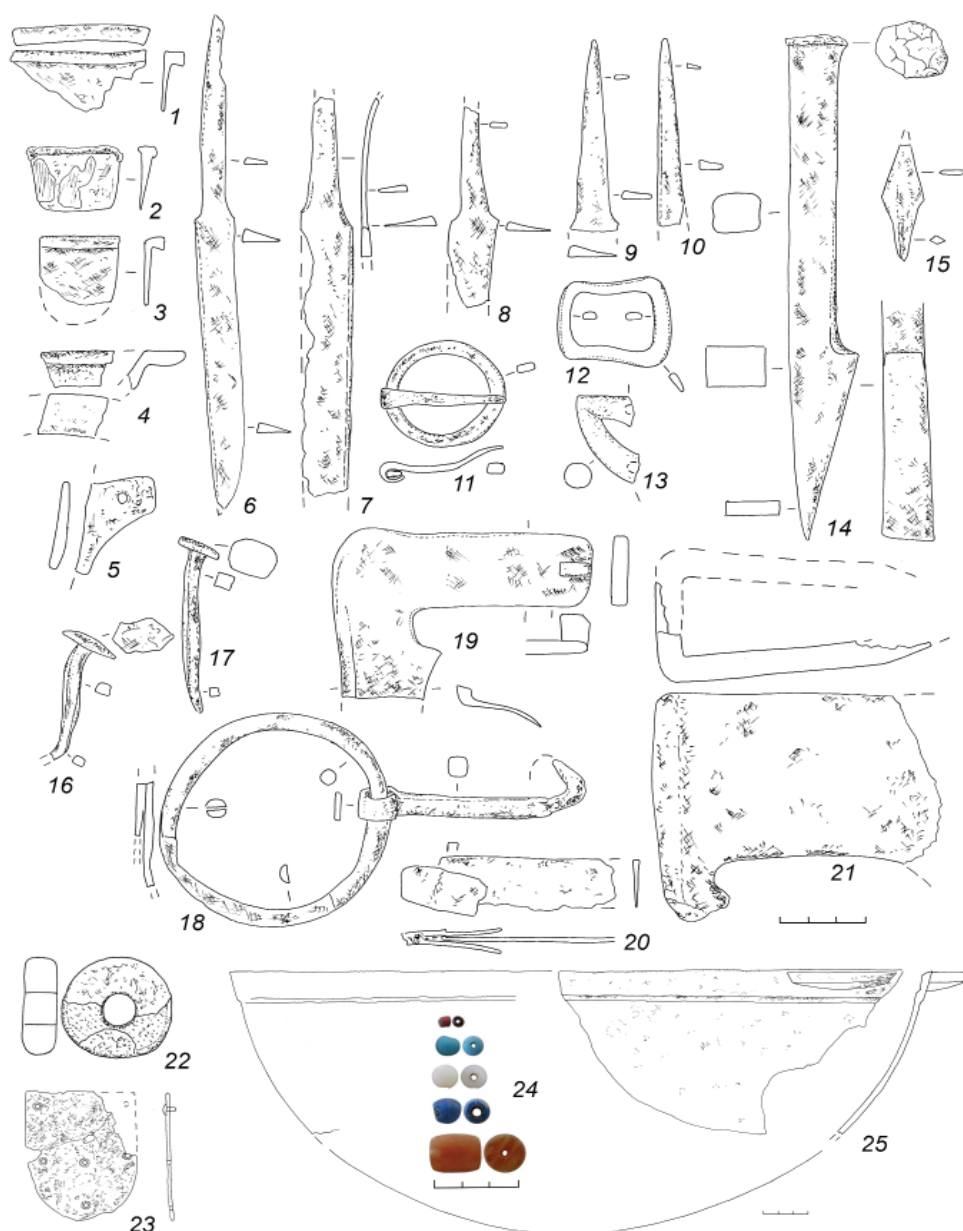

Рис. 4. Горно-лесная зона Южного Урала. Приустьевая часть р. Кана. Комплекс материальной культуры Нового времени с селищ Атиково-2 (20, 22, 23) и -3 (1-19, 21, 24, 25). 1-3 – клинья для топоров; 4, 5, 13, 25 – фрагменты чугуных сосудов; 6-10 – фрагменты ножей; 11, 12 – пряжки; 14 – зубило; 15 – наконечник стрелы; 16, 17 – кованые гвозди; 18 – фрагмент удила; 19 – фрагмент косы-литовки; 20 – фрагмент складной бритвы; 21 – фрагмент топора; 22 – пряслице; 23 – набойка на каблук; 24 – бусы. 22 – камень (серый сланец); 24 – стекло; остальное – железо

Fig. 4. Southern Ural mountain-forest zone. The mouth area of the Kana River. The set of material culture of the modern era from the settlements of Atikovo-2 (20, 22, 23) and Atikovo-3 (1-19, 21, 24, 25). 1-3 – axe wedges; 4, 5, 13, 25 – fragments of cast-iron vessels; 6-10 – fragments of knives; 11, 12 – buckles; 14 – chisel; 15 – arrowhead; 16, 17 – forged nails; 18 – fragment of a bit; 19 – fragment of a scythe; 20 – fragment of a folding razor; 21 – fragment of an axe; 22 – spindle whorl; 23 – heel plate; 24 – beads. 22 – stone (gray slate); 24 – glass; the rest – iron

зоны. Вероятно, такие местоположения ранее просто не обследовались.

Более характерно для открытых степей и лесостепей Южного Урала расположение селищ Атиково-2 и -3 – на мысах высокой

поймы вне привязки к притокам с проработанными долинами. И если селище Атиково-2 занимает весь мысовидный выступ, но при этом рядом нет никаких водотоков, а р. Кана (современное русло) расположена

на расстоянии 200 м, то Атиково-3 занимает самую возвышенную площадку у основания мыса, сбоку же от него протекает небольшой поверхностный ручей Байгутук. Расстояние от площадки памятника до русла р. Каны составляет 300 м. Этим данное селище похоже на два памятника горно-лесной зоны – поселения Азануй и Каргисаар-1 (Древности..., 2018, с. 143–144, 150, 153–155).

Совершенно особый тип памятника – раннекочевническая стоянка Атиково-1, расположенная у истока притока второго порядка р. Каны, на вершине плато. Единичность подобных памятников связана с большими сложностями при их поиске, но в целом данный тип известен среди других кочевнических стоянок, в основном относящихся к скифо-сарматскому и этнографическому времени.

Палинологические данные

Проведение спорово-пыльцевых исследований древних почв для горно-лесной зоны Южного Урала имеет уже богатую историю, а в последнее десятилетие ни одни археологические раскопки на этой труднодоступной и мозаичной в ландшафтном отношении территории не проводятся без отбора палинологических колонок. Во всяком случае, для горной долины р. Белой применение этого метода позволило в общих чертах получить информацию по скорости и направленности географических, экологических, ландшафтных и климатических изменений (Савельев, 2015). Проведение исследований в районе устья р. Каны также сопровождалось отбором и изучением спорово-пыльцевых данных. В значительной степени причиной этому являлись работы в широких пойменных комплексах, на которых авторами в горах уже и ранее фиксировали погребенные черноземы, в т. ч. и с археологическими материалами (Древности..., 2018, с. 80, 103, 104), но подтвержденная необходимыми данными объяснительная модель этому явлению отсутствовала. Также необходимо отметить, что все ранее проводившиеся в горной долине р. Белой спорово-пыльцевые анализы брались из памятников, расположенных в пещерах, гротах или на террасах (Yakovlev et al., 2006, p. 117; Danukalova et al., 2011, p. 30; Еремеев, Курманов, 2011, с. 84; Курманов, 2012, с. 28; Danukalova et al., 2017, p. 36; Danukalova et al., 2020, p. 93, 100), колонки же из памятников, приуроченных к поймам, отсутствовали.

В рамках исследований в приустьевой части р. Каны произведен отбор проб с селищ Атиково-2 (шурф № 24) и Атиково-3 (шурф № 75). Шурф № 24 расположен на никогда не распахивавшемся краю мыса, над влажной поймой со следами замытых стариц. Шурф № 75 расположен в 0,35 км к юго-востоку от шурфа № 24, в центре мыса, на расстоянии около 100 м от влажной поймы и на три метра выше предыдущего шурфа от ее уровня (4,5 и 1,5 м соответственно). В связи с тем, что поверхность мыса селища Атиково-3 полностью распахивалась, в шурфе № 75 образцы взяты только из слоя погребенного чернозема. В качестве дополнительного разреза привлечены данные из шурфа № 56, заложенного в центре большой окруженной скалами пойменной поляны (т. н. «Куалломатская поляна») левого берега р. Белой, в 16 км к западу от селищ Атиково-2 и -3 или в 20 км вниз по течению р. Белой. Высота места заложения шурфа над урезом воды 5,5 м, минимальное расстояние до современного берега 160 м.

Шурф № 24. Атиково-2

Всего исследовано 10 образцов, отбор осуществлялся через 10 см снизу вверх (рис. 5: 2). Получено четыре репрезентативных спорово-пыльцевых спектра (табл. 1), в остальных шести образцах содержание пыльцы и спор низкое (2–15 пыльцевых зерен). Весь мацерат просмотрен полностью.

В составе образца светло-коричневого суглинка (сл. 4, гл. 0,9 м, СП 1) из нижней части разреза идентифицирована единичная пыльца *Corylus avellana*, *Asterioideae*, *Nymphaeaceae* и споры папоротников *Polypodiaceae*.

В пробах из нижней части слоя погребенной почвы (сл. 3, гл. 0,7–0,8 м, СП 2 и 3) обнаружены лишь единичные пыльцевые зерна лугово-степных (*Poaceae*, *Filipendula* sp., *Urtica* sp.), водных (*Nymphaeaceae* и *Typha* sp.) и болотных растений (*Sphagnum* sp.). В пробе из верхней части слоя 3 (гл. 0,6 м, СП 4) выделен спорово-пыльцевой спектр с доминированием пыльцы травянисто-кустарниковых растений (67%). В группе отмечены пыльцевые зерна *Filipendula* sp. (37%), *Nymphaeaceae* (18%), *Poaceae* (8%) и *Cichorioideae* (4%). Споровые (20%) представлены папоротниками (*Polypodiaceae*, *Botrychium lunaria*) и зелеными мхами (*Bryales*). Среди древесно-кустарниковых растений (14%) выделены

зерна *Pinus sylvestris* (12%) и единичная пыльца *Rubus* sp.

Выше по разрезу в образце светло-коричневого суглинка (сл. 2, гл. 0,5 м, СП 5) идентифицированы редкие пыльцевые зерна *Pinus sylvestris*, *Filipendula* sp., *Geranium* sp., *Nymphaeaceae* и споры *Polypodiaceae*. Выделенный состав схож с вышеописанным спектром.

В образце из средней части слоя 2 (гл. 0,4 м, СП 6) обнаружен палиноспектр с доминированием пыльцы деревьев (68%), в основном *Betula* sp. (56%). Также в группе отмечены пыльцевые зерна хвойных (*Pinus sylvestris* и *Picea* sp.) и широколиственных пород (*Corylus avellana*). Среди травянистых растений (24%) идентифицированы зерна *Filipendula* sp. (11%), *Nymphaeaceae* (9%), *Centaurea scabiosa*, *C. jacea* и *Typha* sp. (единично). Споровые растения (8%) представлены папоротниками (*Polypodiaceae* и *Botrychium lunaria*).

В пробах бурой супеси (сл. 1, гл. 0,2–0,3 м, СП 7 и 8) отмечены лишь единичные зерна *Pinus sylvestris*, *Betula* sp., *Artemisia* sp., *Asterioideae* и *Filipendula* sp.

Выше по разрезу в образце бурой супеси (сл. 1, гл. 0,1 м, СП 9) выделен спектр с доминированием пыльцы деревьев и кустарников (75%): *Betula* sp. (64%), *Pinus sylvestris* (8%) и *Ulmus* sp. (3%). Группа травянисто-кустарничковых растений (22%) представлена преимущественно *Nymphaeaceae* (16%). Единично отмечены пыльцевые зерна луговых (*Scrophulariaceae*, *Asterioideae*) и синантропных растений (*Chenopodiaceae*, *Artemisia* sp.). Также единично идентифицированы споры папоротников *Botrychium lunaria* и плаунов *Lycopodium* sp.

В поверхностной пробе (СП 10) обнаружен спектр с преобладанием пыльцы древесно-кустарниковых растений (56%). Доминирует пыльца *Pinus sylvestris* (44%). В примеси выделены зерна *Betula* sp., *Ulmus* sp. и *Tilia cordata*. Среди трав и кустарничков (30%) отмечены *Nymphaeaceae* (10%), *Asterioideae* и *Urtica* sp. (по 6%), *Roaceae*, *Inula* sp., *Angelica archangelica* и *Polygonum persicaria* (единично). Споровые (14%) представлены папоротниками: *Polypodiaceae* (12%) и *Botrychium lunaria* (единично).

Единичные находки пыльцы и спор характеризуют распространение преимущественно лугово-степных и прибрежных ландшафтов с

заболоченными участками (СП 1–3). Позже на смену открытым пространствам приходят лесостепи с небольшими по площади сосновыми лесами (СП 4, 5), а затем лесные ландшафты, представленные березовыми лесами с примесью сосны, ели, вяза и лещины (СП 6–9). В спектрах, характеризующих конец этого периода (СП 7, 9), отмечена небольшая доля синантропных растений (маревые, полынь). Спектр поверхностной пробы (СП 10) характеризует распространение сосновых лесов с примесью березы, липы и вяза. Опушки зарастают папоротниками. Открытые пространства занимают злаково-разнотравные ассоциации. Присутствует высокая доля водных растений.

Шурф № 75. Атиково-3

Всего исследовано три образца (рис. 5: 3), отбор осуществлялся через 20 см снизу вверх, его задачей было получить образец с уровня нахождения развала сосуда, ниже него и выше него в пределах слоя погребенного чернозема. В результате спорово-пыльцевого анализа получен один репрезентативный спорово-пыльцевой спектр, в двух пробах содержание пыльцы и спор низкое (5–6 пыльцевых зерен). Весь мацерат просмотрен полностью.

В пробах из нижней и верхней части слоя погребенной почвы (сл. 3, гл. 1,02–1,07 м, СП 1 и гл. 0,57–0,67 м, СП 3) обнаружены лишь единичные пыльцевые зерна *Pinus sylvestris*, *Betula* sp., *Asterioideae*, *Filipendula* sp. и *Nymphaeaceae*.

В образце из средней части слоя 3 (гл. 0,9–0,92 м, СП 2) выделен палиноспектр с доминированием пыльцы трав и кустарничков (66%). В группе идентифицирована пыльца луговых растений: *Filipendula* sp. (50%), *Inula* sp. (14%) и *Serratula* sp. (единично). Среди древесно-кустарниковых растений (14%) отмечены *Pinus sylvestris* (12%), *Betula* sp. (6%) и *Tilia cordata* (единично). Споровые (14%) представлены *Polypodiaceae*.

Палиноспектр с уровня нахождения развала сосуда (СП 2) характеризует распространение значительных открытых пространств, занятых луговой растительностью. В составе небольших лесных массивов преобладает сосна. В примеси отмечены береза и липа. На опушках встречаются папоротники. В выше лежащей пробе (СП 3) кроме единичных зерен сосны, березы, сложноцветных и лабазника обнаружена пыльца водных растений.

Таблица 1. Селище Атиково-2. Шурф № 24. Вертикальное распространение спор и пыльцы
 Table 1. Atikovo-2 settlement. Test pit No. 24. Vertical distribution of spores and pollen

порядковый № образца	СП1	СП2	СП3	СП4	СП5	СП6	СП7	СП8	СП9	СП10
Содержание AP, %	-	-	-	14	-	68	-	-	75	56
Содержание NAP, %	-	-	-	67	-	24	-	-	22	30
Содержание SP, %	-	-	-	20	-	8	-	-	3	14
Пыльца деревьев и кустарников (AP), %										
<i>Pinus sylvestris</i>				11,8	+	9,2		+	7,5	44,0
<i>Picea</i> sp.						1,3				
<i>Tilia cordata</i>										4,0
<i>Ulmus</i> sp.									3,0	2,0
<i>Corylus avellana</i>	+					1,3				
<i>Betula</i> sp.						56,6		+	64,2	6,0
<i>Rubus</i> sp.				2,0						
Пыльца трав и кустарничков (NAP), %										
Росaceae		+		3,9						2,0
Chenopodiaceae									1,5	
<i>Artemisia</i> sp.							+		1,5	
Asteroidaeae	+						+		1,5	6,0
Cichorioideae				7,8						
<i>Centaurea scabiosa</i>						1,3				
<i>Centaurea jacea</i>						1,3				
<i>Inula</i> sp.										2,0
<i>Filipendula</i> sp.			+	37,3	+	10,5		+		
<i>Geranium</i> sp.					+					
Scrophulariaceae									1,5	
<i>Angelica archangelica</i>										2,0
<i>Urtica</i> sp.			+							6,0
<i>Polygonum persicaria</i>										2,0
Nymphaeaceae	+	+		17,6	+	9,2			16,4	10,0
<i>Typha</i> sp.			+			1,3				
Споры (SP), %										
Polypodiaceae	+			10	+	6,6				12,0
<i>Botrychium lunaria</i>				4		1,3			1,5	2,0
<i>Lycopodium</i> sp.									1,5	
<i>Sphagnum</i> sp.			+							
Bryales				6						

+ - единичные находки пыльцы и спор

Стратиграфические данные показывают, что к слою погребенной почвы относятся два информативных палиноспектра – СП 2/Атиково-3 (низ слоя) и СП 4/Атиково-2 (Атиково-2). Они схожи по содержанию пыльцы деревьев (20–14%), трав (66–67%) и спор (14–20%), а также практически равным (12 и 11,8%) долям пыльцы сосны. Отличия – в присутствии в СП 2/Атиково-3 небольшого количества пыльцы березы (6%) и липы (2%), немного большем количестве пыльцевых зерен *Filipendula* sp. (50 и 37,3%) и отсутствии пыльцы водных растений – кувшинок (в СП 4/Атиково-2). По находке межовско-черкаскульского сосу-

да нижняя часть погребенного черноземного слоя может быть датирована последними веками II тыс. до н. э., верхняя часть – эпохой раннего железа (середина – вторая половина I тыс. до н. э.), т. к. именно для этого времени фиксируется снижение количества пыльцы березы, а также сам факт существования погребенных черноземов (Савельев, 2015, с. 76).

Верхняя часть разреза Атиково-2, для спектров (СП 9–10) которой характерно резкое падение количества пыльцы березы и такой же резкий рост пыльцы сосны, может быть скоррелирована с верхними слоями шурфа

№ 56, где данную смену палеообстановок удалось исследовать более детально.

Шурф № 56 (фоновый). Куалломатская поляна

Всего исследовано семь образцов, отбор осуществлялся через 10 см снизу вверх (рис. 5: 1). Получено четыре репрезентативных спорово-пыльцевых спектра, в трех образцах содержание пыльцы и спор низкое (1–16 пыльцевых зерен). Весь мацерат просмотрен полностью.

В пробах светло-коричневого суглинка (сл. 2, гл. 0,5–0,6 м, СП 1 и 2) и бурой супеси (сл. 1, гл. 0,4 м, СП 3) из нижней части разреза идентифицированы единичные зерна *Pinus sylvestris*, *Betula* sp., *Chenopodiaceae*, *Asteroidae*, *Filipendula* sp., *Nymphaeaceae*, *Polypodiaceae* и *Bryales*.

В образцах бурой супеси из средней части слоя 1 (гл. 0,3–0,4 м, СП 4 и 5) выделены спектры с доминированием пыльцы деревьев и кустарников (77–79%). Мелколиственные породы представлены *Betula* sp. (55–64%), *Salix* sp. (единично); широколиственные – *Corylus avellana* (9–16%); хвойные – *Pinus sylvestris* (4–5%), *Pinus* s/g *Haploxydon* и *Picea* sp. (единично). Среди кустарников отмечены единичные пыльцевые зерна *Rubus* sp. В группе споровых (12–17%) преобладают споры папоротников: *Polypodiaceae* (8–13%) и *Botrychium lunaria* (3–4%). Спорадически отмечены единичные зерна зеленых и сфагновых мхов (*Bryales* и *Sphagnum* sp.). Группа трав и кустарничков (6–9%), несмотря на невысокую долю в спектрах, довольно разнообразна (*Filipendula* sp., *Roaceae*, *Asteroidae*, *Inula* sp., *Cichorioideae*, *Brassicaceae* и *Urtica* sp.).

Выше по разрезу в образце бурой супеси (сл. 1, гл. 0,1 м, СП 6) выявлен палиноспектр с преобладанием пыльцы древесно-кустарниковых растений (75%). При этом отмечено увеличение доли хвойных пород *Pinus sylvestris* (34%). Содержание пыльцевых зерен широколиственных пород остается прежним: *Corylus avellana* (9%) и *Tilia cordata* (единично). Доля пыльцы *Betula* sp. уменьшается до 31%. Среди трав преобладают *Roaceae* (6%) и *Nymphaeaceae* (3%). Единично идентифицированы пыльцевые зерна *Asteroidae*, *Cichorioideae* и *Urtica* sp. Споры (14%) представлены *Polypodiaceae* (9%), *Botrychium lunaria* (3%), *Lycopodium* sp. и *Bryales* (единично).

В поверхностной пробе (СП 7) также доминирует пыльца древесных пород (88%): *Pinus sylvestris* (82%), *Betula* sp. (4%) и *Pinus* s/g *Haploxydon* (единично). Споры (10%) включают *Polypodiaceae* и *Botrychium lunaria* (по 4%), *Sphagnum* sp. (единично). Среди трав отмечены лишь единичные пыльцевые зерна *Nymphaeaceae*.

Единичные находки пыльцы и спор (СП 1–3) характеризуют лесостепные ландшафты с сосново-березовыми лесами и лесными полянами. Лесостепи начального этапа сменяются лесными ландшафтами. Широкое распространение получают березовые леса с примесью лещины, сосны и ели (СП 4, 5). Опушки занимают папоротники и малина. На небольших открытых пространствах встречаются лугово-степные сообщества со злаково-разнотравной растительностью. В конце указанного периода (СП 5) появляются прибрежно-водные и болотные растения (ива, сфагновые и зеленые мхи).

Затем березняки сменяются сначала на сосново-березовые леса с примесью лещины и липы (СП 6), а затем на сосняки (СП 7). Площади открытых пространств уменьшаются. Травянистая растительность представлена преимущественно злаками и водными растениями. Опушки зарастают папоротниками и плаунами. На небольших заболоченных участках встречаются зеленые и сфагновые мхи. Доля синантропных растений (маревые, цикориевые, крапива) в верхних спектрах (СП 3–6) крайне невысокая.

Сопоставление данных по шурфам № 56 (Куалломатская поляна) и № 24 (селище Атиково-2) показало, что, учитывая залегание культурного слоя XVIII – начала XIX в., период резкого роста площадей сосновых лесов в бассейне горного течения р. Белой приходится максимум на последние 200–300 лет. Фактически этот этап развития растительных сообществ в горах начался после завершения достаточно длительного (порядка 1500 лет) периода высоких паводков, когда горные долины были практически непригодны для длительного постоянного проживания.

Обсуждение и выводы

Судя по имеющимся данным, начало заселения горной долины р. Белой относится еще к среднему палеолиту. Говоря в целом об эпохе камня, минимально в горной зоне представлены мезолитические памятники. В районе

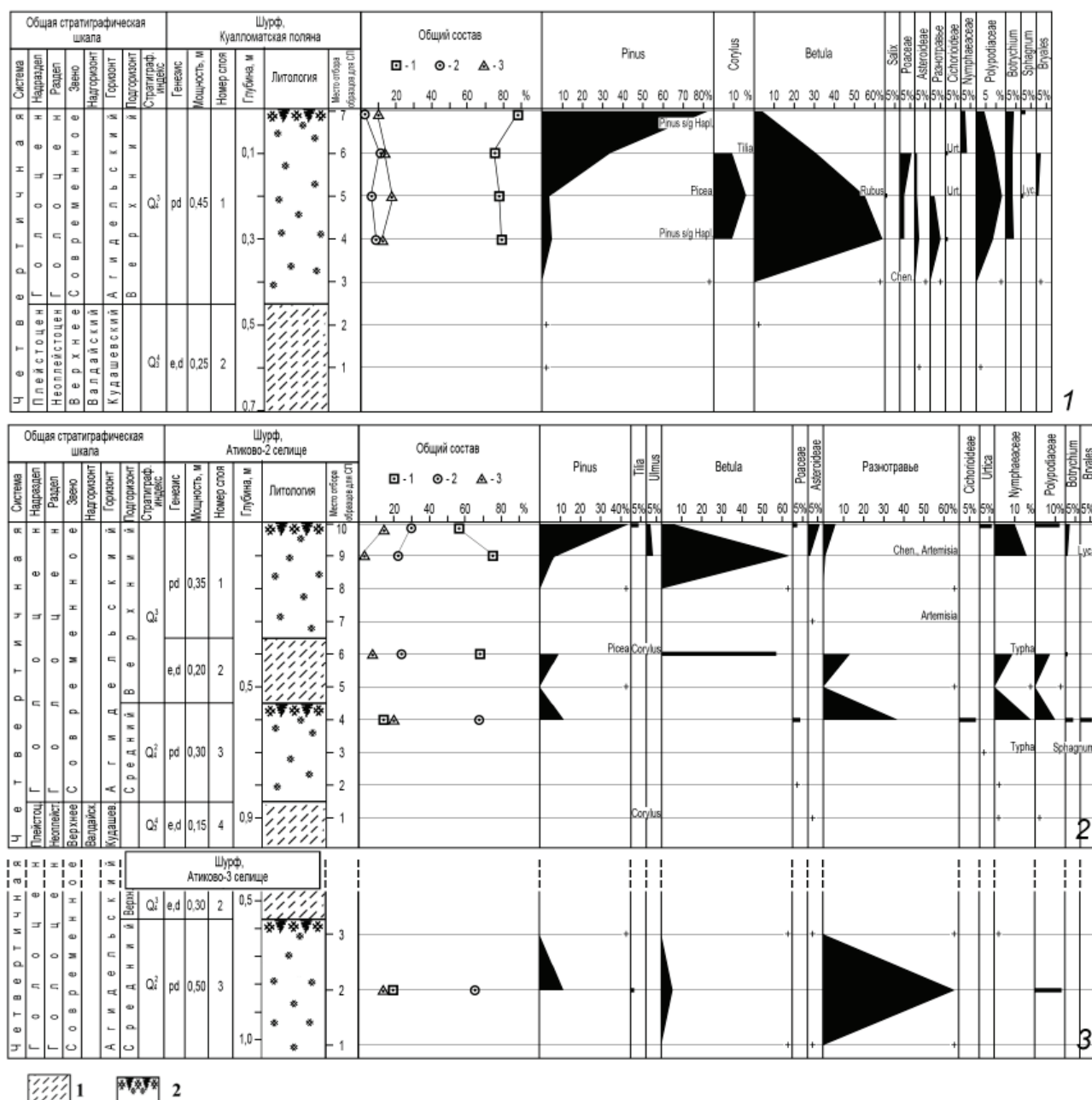

Рис. 5. Горно-лесная зона Южного Урала. Спорово-пыльцевые диаграммы по долинам рек Белая и Кана (1 – шурф № 56, Куалломатская поляна; 2 – шурф № 24, селище Атиково-2; 3 – шурф № 75, селище Атиково-3).

Условные обозначения: 1 – пыльца деревьев и кустарников, 2 – пыльца трав и кустарничков, 3 – споры, + – единичные находки пыльцы и спор. Литология: 1 – суглинок; 2 – почва.

Сокращения: Плейстоц. – плейстоцен, Неоплейст. – неоплейстоцен, Валдайск. – валдайский, Кудашев. – кудашевский, Верхн. – верхний. Сокращенные названия растений: Picea – Picea sp., Pinus s/g Hapl. – Pinus s/g Haploxydon, Tilia – Tilia cordata, Corylus – Corylus sp., Rubus – Rubus sp., Chen. – Chenopodiaceae, Artemisia – Artemisia sp., Urt. – Urtica sp., Typha – Typha sp., Lyc. – Lycopodium sp., Sphagnum – Sphagnum sp.

Fig. 5. Southern Ural mountain-forest zone. Spore-pollen diagrams from the valleys of the Belaya and Kana rivers (1 – test pit No. 56, Kuallomatskaya polyana; 2 – test pit No. 24, Atikovo-2 settlement; 3 – test pit No. 75, Atikovo-3 settlement). Symbols: 1 – pollen of trees and shrubs, 2 – pollen of grasses and shrubs, 3 – spores, + – single finds of pollen and spores. Lithology: 1 – loam; 2 – soil.

Abbreviations: Плейстоц. – Pleistocene, Неоплейст. – Neopleistocene, Валдайск. – Valdai, Кудашев. – Kudashevsky, Верхн. – the upper one. Abbreviated names of plants: Picea – Picea sp., Pinus s/g Hapl. – Pinus s/g Haploxydon, Tilia – Tilia cordata, Corylus – Corylus sp., Rubus – Rubus sp., Chen. – Chenopodiaceae, Artemisia – Artemisia sp., Urt. – Urtica sp., Typha – Typha sp., Lyc. – Lycopodium sp., Sphagnum – Sphagnum sp.

устья р. Каны единичные находки эпохи камня присутствуют на селище Миндигулово-1.

Памятники ранней и средней бронзы как в горной долине р. Белой, так и в целом в горной части Южного Урала либо отсутствуют, либо пока не выявлены. К заключительному периоду этого этапа относятся находки абашевской керамики и следов металлургии на крайнем юге рассматриваемого региона (поселение Азануй в месте выхода Белой из гор и пещера Неолитовая на р. Нугуш). В эпоху поздней бронзы горная долина Белой заселялась населением срубной (из Приуралья) и алакульской (из Зауралья) культур. Картографирование показывает, что если срубное население проникало в горы через вход в горный каньон р. Белой, то алакульское – напрямую с востока, из бассейна р. Сакмары. В районе устья Каны в небольшом количестве, но все же известны материалы как срубной (Миндигулово-4, Старосубханкулово-2, Ташмуруновский грот), так и алакульской (Старосубханкулово-1 и -2, Киекбаево-1) культур.

Относительно слабо освоенной представляется горная долина Белой (о других территориях ничего сказать нельзя в связи с полным отсутствием данных) в эпоху финальной бронзы. Межовские (именно приуральские) материалы представлены на поселениях Азануй, Максютново-2 и в святилище в Каповой пещере (Котов, Савельев, 2021). Также известна находка межовского горшка на Ново-Усмановском поселении, но что-либо определенное о его происхождении сказать нельзя, т. к. он известен только по схематичной прорисовке 1962 года (рис. 3: 3). К зауральскому ареалу межовской культуры, судя по примеси талька, относится ряд сосудов с Азануя (Гарустович, Савельев, 2004, с. 110, рис. 12: 5), а также сосуд с Атиково-3. Точнее, по форме и орнаментации последний может быть назван межовско-черкаскульским (Алаева, 2015, с. 474–484). Ближайшие аналогии ему происходят с Тавлыкаевского поселения на р. Сакмаре (Морозов, 1983, с. 19–40, рис. 4: 9–18), расположенного в 20 км к юго-востоку от истока р. Каны. Также на поселении Максютново-2 присутствует несколько сосудов саргаринской культуры (Древности..., 2018, с. 117, рис. 2.78: 6, 7), что дополнительно свидетельствует именно о зауральском векторе проникновения части населения в это время.

Для начального этапа эпохи раннего железа фиксируется освоение горной долины р. Белой двумя группами населения – гамаюнской культуры с севера и курмантауской – с юга. Наличие смешанных форм (Акаваз-1, Сакаска) свидетельствует об их частичной синхронности в пределах VII–VI вв. до н. э., однако курмантауское население, судя по имеющимся данным, начало проникать в горы несколько раньше.

В районе устья р. Каны гамаюнские материалы известны на селище Миндигулово-3, курмантауские – на всех четырех памятниках около Миндигулово. Все они являются кратковременными стоянками.

Как ранее было показано одним из авторов, кочевники скифо-сарматского времени осваивали горную долину Белой и окружающие плато примерно с конца V в. до н. э. (Савельев, 2015). Памятники представлены как кратковременными кочевническими, так и промысловыми стоянками. Это хорошо показывает характер освоения кочевниками горной зоны Южного Урала. Материалы свидетельствуют, что если раннее освоение шло из Зауралья, то позднее, в III–I вв. до н. э., – из Приуралья. Стоянка Атиково-1 хорошо иллюстрирует начальный этап проникновения кочевников скифо-сарматского времени в горы напрямую из восточных предгорий Южного Урала.

Отсутствие в горной долине р. Белой хотя бы относительно крупных комплексов, датируемых от рубежа эр и до середины II тыс. н. э. (при наличии единичных находок) свидетельствует о том, что горы в эти полторы тысячи лет только эпизодически посещались людьми. Вероятно – с теми же промысловыми целями.

Также в горах, в т. ч. и в долине Белой, отсутствуют памятники золотоордынского и постордынского времени. Списать это только на пресловутую «недостаточность обследования» сложно, т. к. памятников других эпох выявлено достаточно. Возможно, что наиболее раннее для эпохи позднего Средневековья освоение было направлено на вершины плато и малые водотоки, а долина Белой, как было сказано выше, практически не использовалась (как и долины других относительно крупных рек). Однако башкирские шежере содержат огромный массив данных о присутствии башкирского населения (племена кыпсак и бурзян) в горах в эпоху Средневековья. К сожалению, пока археологические материалы

этого времени отсутствуют, и мы можем только предполагать, что освоение данной территории в это время было ресурсным и кратковременным. В значительной степени это подтверждают и купчие грамоты середины XVIII века, где указывается, что первоочередно в долине Белой были расположены различные промысловые угодья. Объяснение данной коллизии, которая частично осознавалась и ранее, было получено в 2018 году именно по материалам селищ Атиково-2 и -3.

Установлено, что разреженные лесостепные ландшафты и маловодье эпохи бронзы и раннего железа (данные по поселению Ново-Акбулатово-1, где в погребенном черноземе залежали гамаюнские находки) примерно на рубеже эр сменяются нарастанием облесенности и резким ростом обводненности всего бельского бассейна, связанного с периодом весенних паводков, что подтверждается проведенными палинологическими анализами.

Последнее привело к практической невозможности долговременного и устойчивого использования этой огромной территории. Точных данных о времени окончания описанного катастрофического периода пока нет, но примерно к середине XVIII века он уже заканчивается. Это наглядно подтверждают шурфы на селищах Атиково-2 и -3, зафиксировавшие древние черноземы, погребенные под мощными слоями наносного аллювия. Вероятно, именно снижение базиса эрозии и позволило башкирскому населению Зауралья (т. к. в данном случае речь идет именно о районе устья р. Каны) начать активное переселение в горную зону.

Оба выявленных атиковских селища могут быть определены как башкирские летовки относительно небольшого размера. Вероятно, это были места установки юрт с наружными обмазанными глиной и побеленными очагами – печами. Материальная культура характеризуется сочетанием заводских изделий (чугунные котлы, косы-литовки, бусы, штофы) и изделий местного производства, а также полным отсутствием глиняной посуды, что также подтверждается и ее отсутствием в школьном музее д. Атиково.

Заключение

Таким образом, полученные в ходе разведочных работ данные по южной части горного течения р. Белой сводятся к ряду важных положений, отражающих специфику и дина-

мику освоения горно-лесной зоны Южного Урала с конца эпохи камня до Нового времени. Во-первых, река Белая в своем горном течении не являлась «трансуральской магистралью», как это умозрительно представлялось нам ранее. Во-вторых, общие принципы освоения горной долины р. Белой как минимум с энеолита до этнографического времени оставались неизменными – тип ее освоения может быть назван ресурсным. В-третьих, одновременно фиксируется продвижение в долину реки разнородного населения с трех основных направлений: из зауральских лесостепных предгорий (вниз по течению реки, вероятно из района современного г. Белорецка), с границы степи и южной лесостепи Приуралья, через вход в горный каньон (вверх по течению реки) и из степей Зауралья (напрямую с востока, по левым малым притокам Белой).

Что же касается памятников типа селищ Атиково-2 и -3, можно отметить, что выявлена и изучена археологическими и естественно-научными методами площадка летников (яйляу), вероятно относящихся к ближайшему населенному пункту д. Атиково (3–3,3 км к юго-востоку, также в долине р. Каны), основанному не позже середины XVIII в. и входившему в состав Бурзянской волости Уфимского наместничества (Асфандияров, 2009, с. 43–44). Впервые для горно-лесной зоны Южного Урала получен чистый и очень яркий комплекс материальной культуры второй половины XVIII в. – рубежа XVIII–XIX вв. (чугунные и железные изделия, бусы, монеты, предметы вооружения и быта); хозяйство населения основывалось на разведении лошадей, крупного рогатого скота и в меньшей мере – овец. На основе анализа стратиграфических данных установлено, что плотное и долговременное заселение башкирами гор Южного Урала началось после окончания длительного периода повышенной обводненности бассейна р. Белой (малого ледникового периода), во время которого долины Белой и ее притоков были невозможны для постоянного проживания человека вследствие высоких сезонных паводков. Полученный комплекс материальной культуры свидетельствует о полном исчезновении керамического производства (переход на кожаную и деревянную посуду), а также включении местного населения в формирующийся единый товарный рынок Российской Империи.

Фактически мы имеем хорошо датированный этнографический комплекс материальной культуры башкир второй половины XVIII в. – рубежа XVIII–XIX вв., показывающий сочетание местных и общероссийских элементов в условиях достаточной географической удаленности, сохранения основных элементов традиционной культуры, сочетающихся с развитием товарно-денежных отношений. Для данной части горно-лесного Урала этот процесс, вероятно, был многократно усилен со строительством Вознесенского завода фон

Сиверса (1750-е гг.), расположенного в устье р. Иргизлы, всего в 25 км по прямой к югу от Атиково.

Тем не менее, как и любые широкие реконструкции, в значительной степени полученные выводы требуют проверки временем и новыми материалами, в том числе и с окружающих территорий. Именно поэтому каждая новая систематизированная информация из горно-лесной зоны Южного Урала имеет очень высокую научную значимость.

ЛИТЕРАТУРА

Алаева И.П. Культурно-хронологическая позиция черкаскульско-межовских комплексов Южного Зауралья (по материалам поселения Чебаркуль III) // Древний Тургай и Великая степь: часть и целое (Сборник статей, посвященный 70-летию юбилею Виктора Николаевича Логвина) / Отв. ред. А.З. Бейсенов. Костанай; Алматы: ИА им. А.Х. Маргулана КН МОН РК, 2015. С. 474–484.

Археологическая карта Башкирии / Отв. ред. О.Н. Бадер. М.: Наука, 1976. 262 с.

Асфандияров А.З. История сел и деревень Башкортостана и сопредельных территорий. Уфа: Китап, 2009. 744 с.

Гарустович Г.Н., Савельев Н.С. Исследования памятников эпохи бронзы – раннего железного века в горном течении реки Белой (к вопросу об этнокультурных реликтах на Южном Урале) // Уфимский археологический вестник. Вып. 5. 2004. С. 93–118.

Древности Башкирского Урала / Сост. и науч. ред. Н. С. Савельев. Уфа: Информреклама. 2018. 216 с.

Еремеев А.А., Курманов Р.Г. Палинологическая характеристика голоценовых и верхнелепестовых отложений пещеры Шульган-Таш // Проблемы современной палинологии: Материалы XIII Российской палинологической конференции. Т. 2. Сыктывкар: ИГ Коми НЦ УрО РАН, 2011. С. 84–87.

Котов В.Г., Савельев Н.С. Святыни с человеческими останками в пещере Шульган-Таш (Каповой) // Уфимский археологический вестник. 2021. Т. 21. № 2. С. 239–263. DOI: <https://doi.org/10.31833/uvav/2021.21.2.005>

Курманов Р.Г. История широколиственных лесов горно-лесной зоны Южного Урала в позднем неоплейстоцене и голоцене по палинологическим данным // Современная палеонтология: классические и новейшие методы / Ред. А.В. Лопатин, П.Ю. Пархаев, А.Ю. Розанов. М.: Палеонтологический институт им. А.А. Борисяка РАН, 2012. С. 28–29.

Морозов Ю.А. Тавлыкаевское поселение срубной культуры // Поселения и жилища древних племен Южного Урала / Отв. ред. А.Х. Пшеничнюк, В.А. Иванов. Уфа: БФАН СССР, 1983. С. 19–40.

Румянцев М.М., Котов В.Г., Савельев Н.С. Разведочные работы в горной части Башкортостана // Археологические открытия 2010–2013 годов / Отв. ред. Н.В. Лопатин. М.: ИА РАН, 2015. С. 522–524.

Русланов Е.В. Археологические микрорайоны Южного Урала: теория и практика научного изучения. Уфа: ИИЯЛ УФИЦ РАН, 2023. 260 с.

Русланов Е.В., Савельев Н.С., Овсянников В.В., Котов В.Г., Румянцев М.М., Николаев С.Ю., Ахметова Е.А., Ляскович В.И. Работы Южно-Уральской комплексной археологической экспедиции в Башкирии // Археологические открытия. 2018 год / Отв. ред. Н.В. Лопатин. М.: ИА РАН, 2020. С. 395–398.

Савельев Н.С. Ландшафтно-экологическая обусловленность освоения кочевниками Южного Урала изолированных территорий в эпоху раннего железа // Уфимский археологический вестник. 2004. Вып. 5. С. 181–188.

Савельев Н.С. Памятники эпохи раннего железа горного течения р. Белая (разведочные работы А.П. Шокурова 1961–1962 гг.) // Наследие веков. Вып. 2. Материалы Регион. науч.-практ. конф. «Историческое краеведение в Башкортостане: история и современность», посвящ. 100-летию со дня рождения краеведа-археолога А.П. Шокурова / Отв. ред. В.Г. Котов. Уфа: ИИЯЛ УНЦ РАН, 2011. С. 42–70.

Савельев Н.С. Поселенческие памятники кочевников скифо-сарматского времени в южной части горно-лесной зоны Южного Урала // Уфимский археологический вестник. 2015. Вып. 15. С. 62–84.

Савельев Н.С. О южной границе лесных и лесостепных культур на Урале в I тыс. до н.э. // Поволжская археология. 2017. № 1 (19). С. 114–129.

Савельев Н.С. Памятники гамаюнской и курмантауской культур юго-западной оконечности Уральской горной страны // Уфимский археологический вестник. 2018. Вып. 18. С. 24–42. DOI: <https://doi.org/10.31833/uav.2018.18.003>

Савельев Н.С., Николаев С.Ю., Румянцев М.М., Русланов Е.В., Савельева А.Г., Сулейманов Р.Р., Хурмаев А.А., Кунгурцев А.Я. Комплекс материальной культуры башкир Южного Урала XVIII–XIX вв. (по данным селища Имсяк-Тай-1 в горно-степном Зауралье) // Уфимский археологический вестник. 2023. Т. 23. № 2. С. 300–319. DOI: <https://doi.org/10.31833/uav/2023.23.2.009>

ФГРБ: Физико-географическое районирование Башкирской АССР / Ученые записки. Т. XVI. Серия географическая. № 1. Уфа: БашГУ, 1964. 210 с.

Danukalova G., Kosintsev P., Yakovlev A., Yakovleva T., Osipova E., Kurmanov R., van Kolfschoten Th., Izvarin E. Quaternary deposits and biostratigraphy in caves and grottoes located in the Southern Urals (Russia) // Quaternary International. 2020. Vol. 546. P. 84–124.

Danukalova G., Yakovlev A., Osipova E., Kurmanov R., Yakovleva T. Palaeoenvironment of the Late Holocene at the Tushmurun and Archaeologists Grottos archaeological sites of the Belaya River valley (the Southern Urals, Russia) // Resumes. XXI-eme colloque international du GMPCA. UMR 6566 «CReAAH» Archeologie, Archeosciences, Histoire. 18-21 avril 2017. Rennes (France). 2017. P. 36.

Danukalova G., Yakovlev A., Osipova E., Yakovleva T., Kosintsev P. Biostratigraphy of the Upper Pleistocene (Upper Neopleistocene) – Holocene deposits of the latitude current of the Belaya river valley of the Southern Urals region (Russia) // Quaternary International. Vol. 231. 2011. P. 28–43.

Yakovlev A., Danukalova G., Kosintsev P., Alimbekova L. & Morozova (Osipova) E. Biostratigraphy of the Late Palaeolithic site of “Bajslan-Tash cave” (the Southern Urals) // Quaternary International. Vol. 149. 2006. P. 115–121.

Информация об авторах:

Русланов Евгений Владимирович, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник, Институт истории, языка и литературы Уфимского федерального исследовательского центра РАН (г. Уфа, Россия); butleger@mail.ru

Савельев Никита Сергеевич, кандидат исторических наук, доцент, ведущий научный сотрудник, Институт истории, языка и литературы Уфимского федерального исследовательского центра РАН (г. Уфа, Россия); sns_1971@mail.ru

Курманов Равиль Гадельевич, кандидат биологических наук, ведущий научный сотрудник, Институт геологии Уфимского федерального исследовательского центра РАН (г. Уфа, Россия); ravil_kurmanov@mail.ru

REFERENCES

Alaeva, I. P. 2015. In Beisenov, A. Z. (ed.). *Drevniy Turgay i Velikaya step': chast' i tseloe (Ancient Turgay and the Great Steppe: part and whole)*. Kostanai; Almaty: Institute of Archaeology named after A. Kh. Margulan, 474–484 (in Russian).

Bader, O. N. (ed.). 1976. *Arheologicheskaya karta Bashkirii (Archaeological Map of Bashkortostan)*. Moscow: “Nauka” Publ. (in Russian).

Asfandiyarov, A. Z. 2009. *Istoriya sel i dereven' Bashkortostana i sopredel'nykh territoriy (The history of rural settlements of Bashkortostan and adjacent areas)*. Ufa: “Kitap” Publ. (in Russian).

Garustovich, G. N., Savelev, N. S. 2004. In *Ufmskij arheologicheskij vestnik (Ufa Archaeological Herald)* 5, 93–118 (in Russian).

Savelev, N. S. (ed.). 2018. *Drevnosti Bashkirskogo Urala (Antiquities of the Bashkir Urals)*. Ufa: “Informreklama” Publ. (in Russian).

Eremeev, A. A., Kurmanov, R. G. 2011. In *Problemy sovremennoy palinologii: Materialy XIII Rossiyskoy palinologicheskoy konferentsii (Issues of modern palynology: Proceedings of the XIII Russian palynological*

conference) 2. Syktyvkar: Institute of Geology of the Komi Scientific Center of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, 84–87 (in Russian).

Kotov, V. G., Savelev, N. S. 2021. In *Ufimskij arheologicheskij vestnik (Ufa Archaeological Herald)* 21 (2), 239–263 (in Russian).

Kurmanov, R. G. 2012. In Rozanov, A. Yu., Lopatin, A. V., Parkhaev, P. Yu. (eds.). *Sovremennaya paleontologiya: klassicheskie i noveyshie metody (Modern paleontology: classical and new methods)*. Moscow: Paleontological Institute of Russian Academy of Sciences, 28–29 (in Russian).

Morozov, Yu. A. 1983. In Pshenichnyuk, A. Kh., Ivanov, V. A. (eds.). *Poseleniia i zhilishcha drevnikh plemen Iuzhnogo Urala (Settlements and Dwellings of the Ancient Tribes of the Southern Ural)*. Ufa: Bashkirian Branch of the Academy of Sciences of the USSR, 19–40 (in Russian).

Rumyantsev, M. M., Kotov, V. G., Savelev, N. S. 2015. In Lopatin, N. V. (ed.). *Arkheologicheskie otkrytiia 2010–2013 gg. (Archaeological Discoveries of 2010–2013)*. Moscow: Institute of Archaeology, Russian Academy of Sciences, 522–524 (in Russian).

Ruslanov, E. V. 2023. *Arkheologicheskie mikrorayony Yuzhnogo Urala: teoriya i praktika nauchnogo izucheniya (Archaeological microdistricts of the Southern Urals: theory and practice of scientific study)*. Ufa. Archive of the Institute of History, Language and Literature of the Ufa Federal Research Center of the Russian Academy of Sciences (in Russian).

Ruslanov, E. V., Savelev, N. S., Ovsyannikov, V. V., Kotov, V. G., Rumyantsev, M. M., Nikolaev, S. Yu., Akhmetova, E. A., Lyasovich, V. I. 2020. In Lopatin, N. V. (ed.). *Arkheologicheskie otkrytiia 2018 g. (Archaeological Discoveries of 2018)*. Moscow: Institute of Archaeology, Russian Academy of Sciences, 395–398 (in Russian).

Savelev, N. S. 2004. In *Ufimskij arheologicheskij vestnik (Ufa Archaeological Herald)* 5, 181–188 (in Russian).

Savelev, N. S. 2011. In Kotov, V. G. (ed.). *Nasledie vekov (Heritage of Ages)* 2. Ufa: Russian Academy of Sciences, Urals Scientific Center, Institute for History, Language, and Literature, 42–70 (in Russian).

Savelev, N. S. 2015. In *Ufimskii arkheologicheskii vestnik (Ufa Archaeological Herald)* 15, 62–84 (in Russian).

Savelev, N. S. 2017. In *Povolzhskaya arkheologiya (Volga River Region Archaeology)* 19 (1), 114–129 (in Russian).

Savelev, N. S. 2018. In *Ufimskii arkheologicheskii vestnik (Ufa Archaeological Herald)* 18, 24–42 (in Russian).

Savelev, N. S., Nikolaev, S. Yu., Rumyantsev, M. M., Ruslanov, E. V., Saveleva, A. G., Suleimanov, R. R., Khurmaev, A. A., Kungurtsev, A. Ya. 2023. In *Ufimskii arkheologicheskii vestnik (Ufa Archaeological Herald)* 2 (23), 300–319 (in Russian).

1964. *Fiziko-geograficheskoe rajonirovanie Bashkirskoj ASSR (Physical and geographical zoning of the Bashkir ASSR)*. In *Uchenye zapiski. T. XVI. Seriya geograficheskaya. № 1 (Scientific notes. Vol. XVI. Geographical series. No. 1)*. Ufa: BashSU (in Russian).

Danukalova, G., Kosintsev, P., Yakovlev, A., Yakovleva, T., Osipova, E., Kurmanov, R., van Kolfschoten, Th., Izvarin, E. 2020. In *Quaternary International* 546, 84–124.

Danukalova, G., Yakovlev, A., Osipova, E., Kurmanov, R., Yakovleva, T. 2017. In *Resumes. XXI-eme colloque international du GMPCA. UMR 6566 «CReAAH» Archeologie, Archeosciences, Histoire. 18-21 avril 2017. Rennes (France)*, 36.

Danukalova, G., Yakovlev, A., Osipova, E., Yakovleva, T., Kosintsev, P. 2011. In *Quaternary International* 231, 28–43.

Yakovlev, A., Danukalova, G., Kosintsev, P., Alimbekova, L. & Morozova (Osipova), E. 2006. In *Quaternary International* 149, 115–121.

About the Authors:

Ruslanov Evgenij V. Candidate of Historical Sciences, Institute of History, Language and Literature of the Ufa Federal Research Center of the Russian Academy of Sciences. Prospekt Oktyabrya, 71, Ufa, 450054, Russian Federation; butleger@mail.ru

Savelev Nikita S. Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, Institute of History, Language and Literature of the Ufa Federal Research Center of the Russian Academy of Sciences. Prospekt Oktyabrya, 71, Ufa, 450054, Russian Federation; sns_1971@mail.ru

Kurmanov Ravil G. Candidate of Biological Sciences, Institute of Geology of the Ufa Federal Research Center of the Russian Academy of Sciences. Karl Marx St., 16, Building 2, Ufa, 450077, Russian Federation; ravil_kurmanov@mail.ru

Статья поступила в журнал 01.04.2025 г.

Статья принята к публикации 01.06.2025 г.

Авторы внесли равноценный вклад в работу